

0.2
p.22
ІЮНЬ.

60
15171

1902.

РУССКОЕ КОГЯТСТВО

167

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубкова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1902.

СИРЭНЪ.

(Посвящается *Антону Павловичу Чехову*).

Въ одиннадцать часовъ вечера въ квартирѣ судебного слѣдователя Робустова всѣ домашніе уже спали. Самъ онъ, съ папирской въ зубахъ, сидѣлъ въ кабинетѣ и, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, заканчивалъ длинное постановленіе. Потихоньку чикали часы и слышно было, какъ въ сосѣдней комнатѣ храпѣла нянька. Дописавъ одинъ полулисть, Робустовъ оставилъ его сохнуть, а самъ всталъ и такъ потянулся, что въ спинѣ у него что-то хрустнуло.

— Накурилъ я сильно, а это вредно,—подумалъ онъ, подошелъ къ окну и открылъ его. Повѣяло ночью осеннею свѣжестью и недавно шедшимъ дождемъ. На голубоватомъ, матовомъ, точно обтянутомъ мокрой кисеей, небѣ не мерцали звѣзды и бѣлѣло только одно свѣтлое мѣсто тамъ, гдѣ спряталась луна. Маленькій безуздный городокъ притихъ. Залаiali гдѣ-то собаки и лаяли долго ожесточенно, съ подвизгиваньемъ. Потомъ съ лѣвой стороны улицы послышались отчетливые солдатскіе шаги и у самыхъ воротъ вдругъ смолкли.

Робустовъ легъ бокомъ на подоконникъ, посмотрѣлъ на улицу и, увидавъ человѣческую фигуру, спросилъ:

— А кто тамъ?

— Телеграмма слѣдователю.

— Хорошо. Сейчасъ, зайдите съ параднаго.—Господи Боже мой,—мало того, что за одну недѣлю поступило восемнадцать дѣлъ, еще и ночью не даютъ жить. Вѣроятно, отъ исправника о задержаніи Сазонова...—думалъ онъ, спускаясь по темнымъ ступенькамъ къ двери. Взявъ телеграмму, онъ расписался въ полученіи ея, отдалъ расписку и снова вернулся въ кабинетъ. Телеграмма была не отъ исправника, а изъ Петербурга отъ дяди и въ ней было напечатано: „Вчера состоялся приказъ о назначеніи твоемъ, какъ хотѣлъ, товари

щемъ прокурора. Поздравляю, Лавровский“. Робустовъ прочелъ еще разъ, улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

Потомъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, ступая на ципочкахъ, притворилъ дверь въ спальную. Жена его Марія Николаевна спала, свернувшись калачикомъ на кровати, укрытая до самаго подбородка плюшевымъ одѣяломъ, и мѣрно дышала. Въ другой маленькой кроваткѣ соиѣлъ трехлѣтній ихъ сынъ Володя. На умывальникѣ мигалъ, въ зеленомъ стаканчикѣ, огонекъ лампадки. Было очень тепло. Робустовъ подошелъ къ женѣ, положилъ ей руку на плечо и тихо окликнулъ:

— Маруся, а Маруся...

— Что? Папиросы тамъ въ верхнемъ ящикѣ.

— Да, я не о папиросахъ. Мы назначены въ губернский городъ на Кавказъ... Товарищемъ прокурора.—Марія Николаевна открыла глаза, поднялась и сѣла. Одѣяло спало у нея съ плеча.

— Ну что же поѣдемъ,—сказала она и соио улыбнулась.

— Ты рада?

— Да, конечно. Только переѣздъ, хлопоты, потомъ наемъ квартиры...

— Ну, это пустяки.

— Тебѣ все пустяки. Ты знаешь, у меня все время нылъ зубъ и меня знобитъ.

Она снова укуталась въ одѣяло и легла.

— Что ты! Здѣсь чуть-ли не двадцать градусовъ. Это значитъ у тебя лихорадочное состояніе, нужно опять принять антифебрину.

— Да, а вотъ, говорятъ, на Кавказѣ такія лихорадки, что и умереть можно.

— Ну, спи.

Робустовъ поцѣловалъ жену сначала въ губы, потомъ въ лобъ и вышелъ. Постановленіе онъ уже дописать не могъ, а легъ на тахту и долго думалъ. Будущее представлялось интереснымъ и счастливымъ. Во-первыхъ, ему еще нѣтъ и тридцати лѣтъ, а онъ уже назначенъ товарищемъ прокурора, значитъ, служба идетъ и будетъ идти хорошо, а не такъ, какъ у большинства товарищей, которые еще сидятъ кандидатами. Во-вторыхъ, они выѣдутъ изъ этого ужаснаго мѣстечка, въ которомъ невозможно даже собрать четырехъ партнеровъ въ винтъ, и гдѣ мѣстное почтовое отдѣленіе безъ всякаго затрудненія доставляетъ иногороднія письма съ адресомъ: „Фотію Фотіевичу“.

Въ городѣ же они абонируются въ библіотекѣ, станутъ посѣщать театръ, и ихъ жизнь хоть чѣмъ-нибудь будетъ от-

личаться отъ жизни семьи станового пристава, выслужившагося изъ фельдфебелей.

Природа на Кавказѣ величественная и типы интересные. Наконецъ, жизнь въ губернскомъ городѣ заставитъ Марусю хоть немного больше слѣдить за туалетомъ, подыметъ ея интересы, которые теперь всѣ сосредоточиваются на дѣтской, на ѣдѣ и на разговорахъ о томъ, повѣнчанъ или не повѣнчанъ докторъ съ той женщиной, съ которой пріѣхалъ.

— Удивительно, какъ быстро наши барышни опускаются послѣ замужества,—думалъ Робустовъ.—Всего шесть лѣтъ назадъ Маруся была изящнѣйшимъ созданиємъ. Была вдумчивой, отзывчивой на всѣ бѣды окружающихъ людей, отлично пѣла и считалась среди своихъ соученицъ по выпуску самой развитой. А теперь... Красота, правда, еще сохранилась, хотя вся фигура и расплылась, но подвижности, интереса къ книгамъ, веселаго смѣха,—всего этого уже нѣтъ. Цѣлуетъ точно по обязанности. Со дня рожденія Ксенички, которой уже скоро пойдетъ одиннадцатый мѣсяцъ, Маруся, кажется, не надѣвала никакого другого платья, кромѣ блузы. Ничто ее не интересуетъ, и сегодняшней телеграммѣ даже не рада. Выписали для какого-то чорта журналъ и всѣ восемь книжекъ, полученныхъ до сихъ поръ, лежатъ не разрѣзанными. Самъ я тоже ничего не читаю. Но у меня же нѣтъ ни одной секунды свободного времени. То я допрашиваю, то я въ отъѣздѣ, то я такъ устаю, что могу только лежать и курить.

Такая жизнь началась сейчасъ же послѣ университета. Женщины, въ которыхъ онъ влюблялся, театръ, книги, споры,—все это ушло страшно быстро и неизвѣстно куда.

— Уплыло и Богъ съ нимъ,—мысленно утѣшалъ онъ себя.—Мы съ Марусей честные люди, любимъ другъ друга и намъ нужно только вырваться изъ этой ямы, тогда снова явятся умственные интересы и счастье не будетъ мѣщанскимъ.

Мысли эти тревожили Робустова уже давно и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще. Вѣхалъ онъ съ докторомъ въ бричку на вскрытіе, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ или просыпался ночью въ постели,—сейчасъ же начиналъ придумывать способы, при помощи которыхъ можно осуществить мечты. Робустовъ завелъ переписку съ жившимъ въ Петербургѣ важнымъ дядей, который служилъ въ министерствѣ юстиціи, и въ каждомъ письмѣ жаловался, что онъ огрубѣлъ, опомлѣлъ въ этомъ захолустѣ и ему хотѣлось бы нравственно ожить. Однажды дядя полуофициально запросилъ его, желалъ ли бы онъ служить въ губернскомъ городѣ на Кавказѣ. Робустовъ отвѣтилъ утвердительно и сейчасъ же

послать докладную записку. Черезъ два мѣсяца пришла, наконецъ, и телеграмма о новомъ назначеніи. А черезъ нѣсколько дней послѣ ея полученія уже пріѣхалъ старшій кандидатъ для принятія участка. Сутуловатый брыжнетъ съ окладистой бородой, онъ казался гораздо старше Робустова, смотрѣлъ исподлобья по-обезьяньи и все время насвистывалъ одинъ и тотъ же мотивъ:

— Однако, вы, господинъ новый товарищъ прокурора, изволили сильно запустить участочекъ, кажется, до сорока штукъ придется принять отъ васъ.

— Да, знаете ли, это только за послѣднее время. Трудно, знаете ли, заставить себя работать, когда знаешь, что въ сущности всякіе счеты со всѣмъ этимъ уже покончены.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ кандидатъ и снова начинать насвистывать свой мотивъ, и Робустову дѣлалось совѣстно, что онъ вваливаетъ такое количество работы на человѣка, который старше его годами и, можетъ быть, способнѣе, но у котораго нѣтъ въ Петербургѣ дяди, и поэтому онъ будетъ жить въ этой трущобѣ и работать, работать...

Послѣ сдачи участка рѣшили сначала ѣхать всей семьей въ Екатеринославъ къ роднымъ жены. Тамъ Маруся останется до конца сентября, а Робустовъ поѣдетъ черезъ недѣлю одинъ на мѣсто службы устраиваться, а потомъ уже выпишетъ жену. Екатеринославъ, въ которомъ они не были уже три года, всѣмъ очень понравился, и Робустовъ находилъ, что нѣкоторыя улицы даже напоминаютъ Петербургъ. Выходя отъ портного, у котораго онъ мѣрилъ новый сюртукъ и ту-журку, онъ думалъ: „вотъ если бы служить въ этомъ городѣ“... И лица всѣхъ судейскихъ чиновниковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, казались ему симпатичными и умными. Побывали въ театрѣ. Маруся ходила все время въ платьѣ, а не въ блузѣ, и какъ будто помолодѣла и посвѣжѣла. Робустовъ успѣлъ прочесть нѣсколько книгъ новыхъ авторовъ, которыхъ всѣ знали и считали извѣстными, а ему лишь приходилось встрѣчать ихъ фамиліи въ объявленіяхъ о подпискѣ на журналы.

Уѣзжалъ онъ ночью со скорымъ поѣздомъ, который шелъ прямымъ сообщеніемъ съ западной границы до Тифлиса. Съ женой расставались въ первый разъ въ жизни и крѣпко расцѣловались. Въ спальномъ вагонѣ, освѣщенномъ электричествомъ, было уютно и не тѣсно. Лежа на удобномъ диванѣ, раздѣтый и укрытый одѣяломъ, какъ у себя дома, Робустовъ долго не спалъ и волновался. Настроение было бодрое и радостное, и мысли о будущемъ бѣжали какъ въ тотъ вечеръ, когда получилась телеграмма. Думалъ онъ о женѣ, о томъ, что онъ въ сущности радъ, что ѣдетъ безъ нея, и это гадко.

Думалъ о своей предстоящей дѣятельности товарища прокурора.

— У публики составилъ ложный взглядъ на эту должность. Большинству кажется, что прокуроръ непременно долженъ быть человѣкъ сухой и безсердечный, который вѣчно старается уличить, поймать, съ удовольствіемъ участвуетъ въ обыскахъ, а въ своихъ рѣчахъ всегда упраскиваетъ судей примѣнить высшую мѣру наказанія. Между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Будучи товарищемъ прокурора, можно сдѣлать очень много добра. Во-первыхъ, если на скамью подсудимыхъ случайно попадетъ человѣкъ невинный,—можно отказаться отъ обвиненія. Можно слѣдить, чтобы въ тюрьмѣ съ арестантами не обращались жестоко. Можно наблюдать, чтобы состоящихъ подъ слѣдствіемъ не томили долго предварительнымъ заключеніемъ... Можно много сдѣлать полезнаго и хорошаго, и онъ непременно такъ будетъ поступать...

Окна вагоновъ посвѣтлѣли и казались синеватыми. Потомъ заигралъ на занавѣскѣ розовый свѣтъ, электричество вдругъ потухло, только проволочки еще нѣкоторое время казались малиновыми, а затѣмъ стали рыжими. Въ половинѣ шестого, когда стало совсѣмъ свѣтло, пріѣхали на какую-то большую станцію. Шипя и тяжело охая, прошелъ мимо оконъ огромный товарный паровозъ; потомъ долго мелькали красные товарные вагоны, а подъ конецъ сѣрые цистерны съ керосиномъ.

Возлѣ огромной зеленой кадки съ надписью, сдѣланной бѣлой краской, умывались мужики и бабы въ лаптяхъ и тулупахъ: должно быть, переселенцы. Вдущей со скорымъ поѣздомъ публики не было. Снова тронулись, и Робустовъ задремалъ. Ему приснилось, что онъ допрашиваетъ Сазонова, который убилъ жену и дѣтей, и тотъ на все вопросы только отвѣчаетъ:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе...

Потомъ принесли откуда-то четыре телеграммы и во всѣхъ говорилось о назначеніи товарищемъ прокурора кандидата съ черной бородой, который принималъ участокъ. Прибѣжала Марусина сѣрая кошка, Китъка, сѣла и вдругъ замыкала громко и пронзительно, какъ свистокъ паровоза.

Около девяти часовъ Робустовъ снова проснулся и увидѣлъ, что противъ него сидятъ уже совсѣмъ одѣтые два господина и разговариваютъ по-нѣмецки. Одинъ пожилой говорилъ совершенно свободно, повидимому, это былъ его родной языкъ. Другой еще молодой, съ большимъ носомъ и черными усами, произносилъ слова съ восточнымъ акцентомъ.

Робустову стало неловко, что онъ лежитъ въ одномъ

бѣль передъ двумя уже одѣтыми и, должно быть, очень корректными людьми. Онъ наскоро одѣлся, поднялъ воротникъ тужурки и, захвативъ мыло и полотенце, пошелъ умываться.

Уборная была заперта и пришлось ожидать въ корридорчикѣ, въ который выходили двери двухъ дамскихъ купѣ. Онъ прочелъ на стѣнкѣ надпись о томъ, когда и какъ слѣдуетъ останавливать поѣздъ при помощи автоматическаго тормоза, потомъ опустил глаза и замѣтилъ, что дверь одного изъ купѣ не совсѣмъ притворена. Невольно всматриваясь въ эту щель, онъ увидѣлъ сначала обнаженную до плеча руку, а потомъ рѣзко выдѣлявшееся на бѣлой подушкѣ, хорошенькое женское личико, окаймленное черными, сбившимися на одну сторону волосами. Оно поразило его прежде всего тѣмъ, что не было похоже ни на одно изъ женскихъ лицъ, видѣнныхъ имъ раньше. Робустову въ одну секунду стало понятно, что красота всей головки сильна сама по себѣ и не зависитъ ни отъ поворота ея, ни отъ прически, ни отъ освѣщенія. Если бы эта женщина или дѣвушка не лежала въ купѣ перваго класса, а сидѣла бы укутанная платками на лавкѣ въ вагонѣ третьяго класса, прелесть ея личика производила бы такое же сильное впечатлѣнiе. Такъ красивый голосъ чаруетъ и приковываетъ на мѣстѣ независимо отъ того, гдѣ звучитъ и кому принадлежитъ. И Робустовъ не отходилъ отъ двери, не смотря на то, что изъ уборной ужѣ вышелъ съ полотенцемъ въ рукахъ старый генераль. Въ купѣ заговорили на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ. Одна женщина произнесла длинную фразу, другая коротко отвѣтила:

— Чѣ.

Снова длинная, скороговоркой фраза, и опять прозвѣло отрицательно:

— Чѣ, чѣ...

Послышался смѣхъ, какъ будто проиграли на неизвѣстномъ, пѣжкомъ инструментѣ гамму, и началась эта гамма высокой нотой, а окончилась низкой контральтовой.

Смѣялась та, которая лежала. Ея темные глаза съ длинными рѣсницами смотрѣли лукаво. Другой голосъ что-то строго проговорилъ, и сейчасъ же двинулась и плотно притворилась дверь.

Робустовъ пошелъ умываться и чувствовалъ себя неловко. Неловкость эта была какая-то странная, раньше имъ никогда не испытанная,—точно онъ обратился въ мальчика, которому показали очень простой фокусъ, но разгадать его нѣтъ возможности. Обливъ голову холодной водой и причесываясь передъ зеркаломъ, онъ вспомнилъ, какъ, будучи гимна-

зистомъ пятого класса, стоя въ церкви, отъ духоты упалъ въ обморокъ и какъ его потомъ обливали водой. И теперь ему казалось, что онъ приходитъ въ себя послѣ легкаго обморока. Будучи студентомъ, онъ часто увлекался женщинами, но со времени женитьбы ни одна изъ нихъ не заинтересовала его настолько, чтобы онъ чувствовалъ неопределимое желаніе увидѣть ее еще разъ. А сейчасъ это желаніе было, и казалось, что имъ онъ грѣшить передъ женой.

Вслушавшись въ разговоръ сидѣвшихъ противъ него двухъ пассажировъ, Робустовъ спросилъ по-нѣмецки того, который казался солиднѣе и старше, сколько времени идетъ поѣздъ отъ Волочиска до Ростова.

— *Zwei Tage und einige Stunde*, — отвѣтилъ тотъ и привѣтливо наклонилъ голову.

— Почти тридцать часовъ, — поправилъ его по-русски другой.

— *Aber ich reise schon vier Tage*, — сказалъ нѣмецъ и улыбнулся.

Изъ дальнѣйшаго разговора Робустовъ узналъ, что фамилія нѣмца Пестлеръ, что онъ миссіонеръ и ѣдетъ съ просвѣтительными цѣлями въ глубь мало-азіатскаго полуострова на цѣлый годъ, а дома оставилъ жену и ребенка, безъ которыхъ очень скучаетъ.

Молодой оказался чиновникомъ министерства земледѣлія, по происхожденію дворянинъ, и окончилъ два высшихъ учебныхъ заведенія.

— Скажите, пожалуйста, что значить и на какомъ это языкѣ слово *ча*, — спросилъ Робустовъ чиновника.

— *Чэ* — по-армянски — значить нѣтъ, это отрицаніе, а что?

— Такъ, я слышалъ на одной изъ станцій, — и Робустовъ не могъ себѣ объяснить, зачѣмъ онъ солгалъ.

Нѣмецъ вынулъ фотографическій аппаратъ, а потомъ цѣлый рядъ портретовъ, своей жены и принялся ихъ разсматривать. Узнавъ, что Робустовъ также въ первый разъ въ жизни разстался съ женой, онъ сдѣлалъ грустное лицо и выразилъ свое глубокое сочувствіе.

Около полудня подѣлажили къ Ростову и рѣшили завтракать за однимъ столомъ. Выходя изъ вагона, Робустовъ догналъ въ дверяхъ ту самую дѣвушку, которую видѣлъ утромъ, и сильно покраснѣлъ. Одѣта она была элегантно и просто, безъ яркихъ цвѣтовъ въ костюмѣ. На видъ ей было лѣтъ восемнадцать и шла она подъ руку съ пожилой дамой, вѣроятно, съ матерью. Онъ посторонился и пошелъ вслѣдъ за ними, а въ злѣтъ забылъ, что общалъ нѣмцу и чиновнику сѣсть вмѣстѣ, и сѣлъ такъ, что хорошенькая армяночка и ея мать очутились противъ. Армяночка ѣла рыбу, потомъ пила

кофе, шурилась, улыбалась и весело болтала съ матерью. Робустовъ спросилъ себѣ бифштексъ, но не успѣлъ его съѣсть, хотя поѣздъ стоялъ около получаса.

Какъ только поѣхали, мать и дочь снова ушли въ купѣ. Робустовъ попробовалъ возобновить разговоръ съ нѣмцемъ и съ чиновникомъ, но съ ними ему скоро стало скучно. Онъ легъ на диванъ и незамѣтно заснулъ. Вагонъ мѣрно покачивался, гудѣлъ и убаюкивалъ. Когда Робустовъ открылъ глаза, уже горѣло электричество. Настоящая ночь еще не наступила. Только облака спустились и стали темно-лиловыми, а подъ ними протянулась черезъ весь горизонтъ ярко-оранжевая полоса.

Онъ причесался, застегнулъ на всѣ пуговицы тужурку и сталъ въ корридорикъ взглянуть открытаго окна.

Вѣяло степью и тепломъ.

Сбоку прошумѣла юбка, и къ слѣдующему окну подошла армяночка. Пришелъ чиновникъ и заговорилъ съ нею по-армянски, а потомъ съ Робустовымъ—по-русски, и разговоръ сталъ общимъ. Говорили о томъ, какъ менѣе утомительно проѣхать въ Кутансъ по военно-грузинской или по желѣзной дорогѣ, черезъ станцію „Баладжары“. Чиновникъ постоялъ еще нѣсколько минутъ и вернулся въ свое отдѣленіе, а Робустовъ прислонился къ стѣнѣ и продолжалъ разговаривать съ дѣвушкой. Онъ узналъ, что она армянка, выросла и окончила гимназію въ одномъ изъ большихъ городовъ Кавказа. Ея отецъ, нефтепромышленникъ, остался по дѣламъ въ Парижѣ, а онъ съ матерью возвращаются оттуда домой, потому что устали и соскучились за границей.

— Развѣ на Кавказѣ лучше, чѣмъ во Франціи?—спросилъ Робустовъ.

Она едва замѣтно дернула нижней губкой и, на минуту высунувъ голову въ окно, отвѣтила оттуда:

— Для меня лучше.

— Вы одна дочь у матери?

— Одна. Почему вы такъ думаете?

— Потому что видѣлъ, съ какою заботливостью она относится къ вамъ, это по ея глазамъ видно.

— Да она меня любитъ, у меня славная мама.

— Какъ ваше имя?—спросилъ онъ опять.

— А вамъ зачѣмъ?

— Такъ, интересуюсь, потому что не знаю кавказскихъ... (онъ почему-то постѣснился сказать армянскихъ) именъ.

— Сирѣнь.

— Какъ?

— Си-рѣнь... Настоящее мое имя, впрочемъ, Сіранушъ, а Сирѣнь это уменьшительное, такъ меня зовутъ дома.

Вотъ какъ у русскихъ, напримѣръ, есть имя Екатерина, а зовутъ Катя...

— Теперь понялъ,—сказалъ Робустовъ, досталъ изъ бокового кармана маленькую книжку и записалъ въ ней: „Сирэнъ“.

— Зачѣмъ вы записываете?

— Такъ, на память, это имя очень красиво звучитъ. А какъ ваше отчество и фамилія?

— Да зачѣмъ вамъ! Ну, зовутъ меня Сиранушъ Давидовна Бежаніанцъ.

Сирэнъ опять дернула нижней губкой и, приподнявшись на носкахъ, высунулась въ окно. Теплый, но сильный вѣтеръ заигралъ завитушками ея волосъ на затылкѣ и отъ нихъ запахло какими-то тонкими духами.

„Что, если бы ее сейчасъ поцѣловать въ эти завитушки?“ подумалъ Робустовъ и самъ испугался своей мысли.

— Вы женаты?—вдругъ спросила Сирэнъ.

— Да, женатъ, у меня двое дѣтей.

— А любите вашу жену?

— Очень.

— Это хорошо, русскіе рѣдко любятъ своихъ женъ.

Сирэнъ оперлась руками на раму опущеннаго окна и, должно быть, что-то мысленно напѣвая, стала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

„Вотъ таія“,—думалъ Робустовъ,—„и вѣдь безъ корсета. Есть въ ней что-то эластичное, змѣиное и вмѣстѣ съ тѣмъ бесконечно-граціозное. Сколько этой Сирэнъ можетъ быть лѣтъ?“—и спросилъ:

— Вы давно окончили гимназію?

— Въ прошломъ году и уже ничего не помню изъ того, что учила.

— Значитъ, вы были плохой ученицей?

— Не знаю, окончила съ серебряной медалью.

— Какъ же такъ?

— Такъ. Если не читать ничего самостоятельно, то гимназія даетъ мало.

— А вы много читаете?

— Нѣтъ. Русскую литературу я знаю плохо. Французскую лучше, немножко итальянскую, хотя тоже слабо. Вообще же мнѣ кажется, что нужно больше думать, чѣмъ читать и учиться.

— А надъ чѣмъ же думать?

— Не знаю,—надъ всѣмъ. Мнѣ кажется, если бы я поступила на какіе-нибудь курсы, я бы отъ скуки съ ума сошла. Вотъ пѣвицей или писательницей мнѣ бы хотѣлось быть, но у меня нѣтъ никакихъ талантовъ.

— Сирэнъ!—позвала ее мать.

Она безшумно отдернулась отъ окна и вошла въ купэ. Тамъ о чемъ-то поговорила и снова вернулась.

— Мамаша говорить, что пора спать. Уже двѣнадцать часовъ. Спокойной ночи.

Не подавая руки, она кивнула Робустову головкой и скрылась за дверью. Онъ остался у окна и смотрѣлъ на темную степь, на такое же темное небо и на звѣзды, которыя казались ему необыкновенно крупными, такими, какими онъ ихъ никогда не видалъ въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ прежде.

На слѣдующій день, когда онъ вошелъ въ коридорчикъ, Сирэнъ уже стояла на прежнемъ мѣстѣ у окна. Она была въ другой, блѣдно-голубой кофточкѣ, подпоясанной ремнемъ съ золотою пряжкой, тщательно причесанная, свѣжая и красивая, какъ цвѣтокъ послѣ дождя. Робустовъ поздоровался и сталъ рядомъ. Потомъ пришли нѣмецъ и чинovníкъ. Снова завязался общій разговоръ. Робустовъ чувствовалъ, что Сирэнъ говорить съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ, чѣмъ съ двумя другими спутниками, но нарочно отошелъ въ сторону и сдѣлалъ угрюмое лицо.

Начался уже Кавказъ. На станціяхъ вездѣ мелькали мохнатыя шапки, кинжалы, крашенныя бороды и слышался быстрый гортанный говоръ. Разговаривавшіе сильно жестикулировали и казалось, что они бранятся между собою. Пейзажъ тоже измѣнился. Степи уже не было. Поѣздъ шель по огромному луговому пространству, справа и слѣва окруженному холмами. Кое-гдѣ паслись стада и видѣлся дымокъ, подымавшійся столбомъ къ чистому синему, синему небу.

Сирэнъ опять осталась одна, и Робустовъ сталъ рядомъ, совсѣмъ близко, возлѣ нея. Иногда вѣтеръ подхватывалъ тонкія пряди волосъ на ея вискахъ, и они своими концами касались на мгновеніе его щеки, и тогда ему не хотѣлось ни о чемъ говорить и думать. Проѣхали такъ двѣ станціи. Робустовъ неожиданно для самого себя вдругъ сказалъ:

— Какъ мнѣ хорошо съ вами.

Сирэнъ сморщила носикъ и спокойно отвѣтила:

— Если вы будете говорить глупости, я уйду.

— Не буду.

— Впрочемъ, мы и безъ того скоро простимся. У насъ билеты только до станціи „Бесланъ“. Тамъ мы будемъ въ полдень. Оттуда поѣдемъ на Владикавказъ, а потомъ по военно-грузинской дорогѣ.

— Это ужасно досадно. Такія женщины, какъ вы, не на каждомъ шагѣ встрѣчаются.

— Я уйду.

Сирэнъ въ самомъ дѣлѣ повернулась и ушла въ купэ.

„Что она—кокетка или нѣтъ?—думалъ Робустовъ.—Если

кокетка, то очень тонкая и умная, а если нѣтъ, то дѣйстви-тельно такое существо, что... еще два дня съ ней и... можно свихнуться. Это хорошо, что онѣ уходятъ."

Поѣздъ прогремѣлъ по желѣзному мосту черезъ Терекъ. Вода въ рѣкѣ была мутная, съ водоворотами, въ которыхъ крутились вѣточки и сѣно, и бѣжала удивительно быстро. "Точно моя жизнь",—подумалъ Робустовъ.

Миновали станцію „Прохладную“ и показались настоящія горы, которыя Робустовъ принялъ сначала за облака: до такой степени были нѣжны тоны и переливы снѣга на вершинахъ. Всѣ онѣ—и Машукъ, и Эльборусъ, и Бештау и другія, навѣяній которыхъ Робустовъ не зналъ, грандіозныя, неподвижныя, чистыя съ яркими голубыми и лиловыми переливами, точно во снѣ, мало-по-малу выступили изъ тумана и рѣзко обозначились на синемъ фонѣ неба. И танулись онѣ Богъ знаетъ какъ далеко отъ желѣзнодорожнаго полотна, а Робустову казалось, что онѣ чувствуетъ холодъ ихъ снѣга.

Онъ не могъ оторваться отъ окна и вдругъ понялъ, въ чемъ сила ихъ красоты. Видишь передъ собою зимній пейзажъ, чувствуешь, какъ провалился бы по колѣни, если бы пошелъ тамъ, по этому ослѣпительно сверкающему снѣгу, любишься ярко лиловыми, падающими отъ этихъ великановъ, тѣнями... и въ то же время видишь, какъ освѣщаетъ солнце безчисленные стога сѣна, раскинувшіеся по зеленой долинѣ Терека, какъ пасутся стада, тянутся по дорогѣ арбы и скачутъ на коняхъ, стараясь обогнать поѣздъ, казачата, загорѣлые, безъ шапокъ, иной съ растегнутымъ воротомъ сорочки, и чувствуешь вокругъ себя теплый радостный лѣтній день. И глаза, не выдавшіе никогда, какъ дружно могутъ жить по сосѣдству зима и лѣто, и нервы, никогда ничего подобнаго одновременно не ощущавшіе,—поражаются и точно затрудняются передать мозгамъ всю силу впечатлѣнія.

„Только среди такой природы и могутъ вырастать и развиваться такіа созданія, какъ Сирѣнь“,—думалъ Робустовъ.

— А знаете,—мама передумала. Она боится ѣхать по военно-грузинской дорогѣ. Значить, еще цѣлыя сутки будемъ ѣхать вмѣстѣ,—раздался вдругъ ея голосъ.

— Кисмэтъ—судьба значить,—отвѣтилъ Робустовъ, обернувшись и глаза его засвѣтились радостью.

— Откуда вы знаете это слово?—спросила Сирѣнь, улыбаясь.

— Такъ вспомнилось: должно быть, читалъ гдѣ-нибудь.

На станціи „Бесланъ“ поѣздъ стоялъ очень долго. Робустовъ познакомился съ матерью Сирѣнь и по ея просьбѣ взялъ имъ билеты дальше. Послѣ обѣда гуляли по платформѣ вмѣстѣ съ нѣмцемъ и чиновникомъ. Нѣмецъ предложилъ снять

грушну, на что всё согласились. Потомъ Робустовъ сталъ рядомъ съ Сиренъ, и нѣмецъ снялъ ихъ отдѣльно. Захотѣлъ сняться съ ней и чиновникъ. Сиренъ согласилась, но какъ только открылся объективъ, засмѣялась и замотала головой. На станціи Робустовъ купилъ въ книжномъ шкафу два тома рассказовъ Чехова. Когда снова поѣхали, Сиренъ взяла книги и стала одну изъ нихъ перелистывать.

— Вы никогда не читали Чехова?—спросилъ Робустовъ.

— Никогда.

— Передъ выѣздомъ я прочелъ одинъ его рассказъ, который было уже забыть, но теперь, увидавъ васъ, вдругъ вспомнилъ. Рассказъ называется „Красавица“ и произвелъ на меня сильное впечатлѣніе вѣрностью тѣхъ ощущеній, которыя испытываетъ человѣкъ при видѣ красоты. Главное же, что героиня первой части рассказа—армянка, и теперь я не могу ее себѣ иначе представить, какъ съ вашимъ лицомъ.

Сиренъ съ любопытствомъ задвигала губами и носикомъ точно звѣрекъ, обнюхивающій воздухъ.

— Это интересно,—сказала она.—Прочтите мнѣ его вслухъ. Пойдемте сядемъ въ нашемъ купѣ, а то у меня уже ноги устали.

— Съ удовольствіемъ, только, можетъ быть, ваша мама будетъ имѣть что-нибудь противъ этого.

— Ничего ровно. Знаете, сегодня съ утра она была недовольна тѣмъ, что я съ вами разговариваю, а когда узнала, что вы женаты, какъ будто, успокоилась; правда, это странно?

— Пожалуй.

Они пошли и сѣли рядомъ. Робустовъ читалъ громко и просто. Сиренъ щурилась и часто улыбалась.

Проходившій мимо купѣ нѣмецъ остановился у двери и нѣсколько времени внимательно слушалъ, потомъ, вѣроятно, ничего не понявъ, вздохнулъ и пошелъ дальше.

— Хорошо?—спросилъ Робустовъ, окончивъ рассказъ.

— Хорошо.

— А я думалъ, что вы обидитесь за то, что я васъ сравнилъ съ необразованной и простой дѣвушкой.

Сиренъ снова улыбнулась, поправила машинально свою прическу и вмѣсто отвѣта спросила:

— Правда-ли, будто русскіе убѣждены въ томъ, что всякая армянка должна быть непременно глупа.

— Не знаю. Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ не я. Хотите прочтемъ еще одинъ рассказъ, который называется очень странно: „Безъ заглавія“, только я боюсь, одобрить ли его ваша мама. Видите-ли, въ немъ говорится о такихъ вещахъ, о которыхъ съ молодыми дѣвушками говорить не принято.

— Ничего, читайте, во-первыхъ, потому что я не только

дѣвушка, но еще и человѣкъ, а во-вторыхъ, потому что мама вообще плохо понимаетъ по-русски, особенно если читать вслухъ.

Робустовъ взялъ другой томъ, разрѣзалъ въ немъ нѣсколько страницъ и сталъ читать. Въ рассказѣ говорилось о томъ, какъ настоятель одного древняго, глухого католическаго монастыря, глубокий старикъ пошелъ въ городъ съ цѣлью учить и спасать людей отъ пороковъ. Тамъ онъ попалъ въ домъ разврата и все видѣнное произвело на него страшное и грустное впечатлѣніе. Возвратившись въ монастырь, онъ со слезами на глазахъ, картинно рассказавъ монахамъ о падшей женщинѣ необыкновенной красоты, которая продавала себя всякому, кто хотѣлъ ее имѣть. Монахи слушали очень внимательно. „Когда онъ на другое утро вышелъ изъ келіи, въ монастырѣ не оставалось ни одного монаха. Всѣ они бѣжали въ городъ“, такъ заканчивался рассказъ. Сирень слушала съ широко раскрытыми глазами, личико ея было грустно, а губы сложились въ презрительную улыбку. Она притихла и долго молчала.

— Рассказъ произвелъ на васъ тяжелое впечатлѣніе?— спросилъ Робустовъ.

— Не только это... Первый рассказъ, который вы прочли, написанъ красивѣе, и все-таки второй гораздо лучше его. Одинъ такой рассказъ стоитъ десяти проповѣдей.

„Да, она въ самомъ дѣлѣ умна“,—подумалъ Робустовъ.

Дремавшая на другомъ диванѣ мать Сирень сказала ей что-то по армянски: должно быть, ей не нравилось присутствіе посторонняго мужчины.

— Мама жалуется, что ей нездоровится,—перевела Сирень.

— Видите, я говорилъ, что мы стѣснимъ вашу маму.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Нѣтъ, ужъ я пойду къ себѣ.—Робустовъ вышелъ. Сирень посмотрѣла ему вслѣдъ и осталась. Въ мужскомъ купѣ нѣмецъ сидѣлъ и писалъ что-то въ тетради, переложенной листочками папиросной бумаги и похожей на копировальную книгу. Чиновникъ лежалъ съ сигарой въ зубахъ и, видимо, скучалъ. Старый генералъ ходилъ взадъ и впередъ и старался подбросить ногою подъ диванъ кусочекъ бумажки, видимо раздражавшій его.

— Что это вы дѣлаете, Herr Pestler, дневникъ пишете?—спросилъ Робустовъ по-нѣмецки.

— Да,—сухо и важно отвѣтилъ онъ и добавилъ,—это одновременно и дневникъ, и письмо женѣ. Подлинникъ остается у меня, а дубликатъ, на папиросной бумагѣ, я отсылаю ей. Папиросная бумага вѣситъ немного, такимъ обра-

зомъ, письмо можетъ быть очень длиннымъ, и не нужно добавлять на него второй марки.

— Prahtvoll, — отвѣтилъ Робустовъ. И вспомнился ему одинъ малороссъ помѣщикъ, замѣчательный своей лѣнью. Когда ему говорили: „ну хорошо, Степанъ Даниловичъ, при своихъ средствахъ вы, конечно, можете лежать цѣлый день, но вѣдь думать вамъ всетаки приходится“, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „А на что мнѣ думать, я за себе нимца найму—шобъ думать.“

— А вы очень скучаете безъ своей жены?—спросилъ Пестлеръ.

— Очень, — отвѣтилъ Робустовъ, глядя нѣмцу прямо въ глаза.

— А что вы сейчасъ читали вмѣстѣ съ этой Fräulein?

— Одинъ поучительный рассказъ.

— Какого автора?

— Чехова.

— Какъ?

— Чехова.

— Это очень остроумный писатель, — сказалъ чиновникъ.

— Можетъ быть, вы будете такъ добры, переведете этотъ рассказъ господину Пестлеру, — сказалъ Робустовъ, обращаясь къ нему. — Рассказъ невеликъ, а вы владѣете языкомъ лучше меня.

— Съ удовольствіемъ, да я и самъ его не читалъ. — Чиновникъ взялъ книгу и глаза его забѣгали взадъ и впередъ по строчкамъ. Окончивъ читать, онъ сдѣлалъ недоумѣвающую фізіономію и сказалъ:

— Нѣчто весьма туманное.

„Ну, братъ, тебѣ зажженную спичку поднести къ глазамъ, такъ и та покажется туманной“, — подумалъ Робустовъ.

Чиновникъ пододвинулся къ нѣмцу и медленно сталъ переводить. Тотъ наморщилъ лобъ и внимательно слушалъ, а когда чтеніе кончилось, покраснѣлъ и сказалъ:

— Такіе рассказы писать и даже читать большой грѣхъ. Этотъ авторъ напоминаетъ мнѣ французскаго Мопассана.

Чиновникъ весело захихикалъ.

— Да, это ужасный рассказъ, — снова проговорилъ нѣмецъ. — И Freulein не обидѣлась, когда вы его прочли?

— Нѣтъ; напротивъ, онъ произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе.

— Schrecklich.

— Ну что же, значить мы съ вами въ литературныхъ вкусахъ не сходимся, а вотъ кстати у меня къ вамъ есть просьба. Я вамъ дамъ свой адресъ и оставляю денегъ, а

когда вы отпечатаете тотъ снимокъ, который сдѣлали съ меня и съ этой Freulein, то, будете любезны, вышлите мнѣ его.

— Хорошо, хорошо, очень хорошо,—скороговоркой отвѣтилъ Пестлеръ, потомъ всталъ и пошелъ въ сосѣднее пустое купэ, гдѣ лежали его фотографическія принадлежности. Минуты черезъ двѣ онъ вернулся. Видъ у него былъ торжествующій.

— Ахъ, какое несчастье, какое несчастье...—сказалъ онъ.

— Что такое?—спросилъ Робустовъ.

— Вообразите, когда я снималъ, я забылъ перемѣнить пластинку, и, такимъ образомъ, оба снимка вышли на одной пластинкѣ и окончательно испорчены.

Нѣмецъ и чиновникъ, точно сговорившись, вдругъ начали хохотать. Смѣялись они долго и весело, точно мальчишки въ циркѣ.

„Неужели они завидуютъ тому, что Сирэнъ предпочитаетъ говорить со мною“,—подумалъ Робустовъ, постарался улыбнуться и вышелъ въ корридорчикъ.

Сирэнъ стояла у окна на прежнемъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ ней и разсказалъ ей обо всемъ, что дѣлалось и говорилось въ мужскомъ купэ.

— Вотъ бѣдныя,—сказала Сирэнъ и улыбнулась.

— Что бѣдныя, это Господь съ ними, но меня вотъ что интересуетъ: Сирэнъ училась немного у папы и мамы, немного у людей въ синихъ сюртукахъ, которые ей давали тоже немного, и понимаетъ... А тѣ—одинъ ѣдетъ просвѣщать темныхъ людей, другой окончилъ двѣ академіи, и оба дико хохочутъ послѣ прочтенія такого разсказа.

Рука Сирэнъ лежала на подоконникѣ, Робустовъ незамѣтно положилъ на нее свою и чувствовалъ, какъ ея ручка нѣжна и горяча. Сирэнъ минуты двѣ не отнимала ее, потомъ потихоньку освободила и едва слышно произнесла:

— Ну, зачѣмъ?..

Солнце подходило къ западу и снѣжныя вершины, уже значительно отдалившіяся отъ желѣзнодорожнаго пути, стали ярко-оранжевыми и еще болѣе красивыми. Незамѣтно скоро совсѣмъ стемнѣло и по небу засвѣтились крупныя зеленяватыя звѣзды. На одномъ изъ разѣздовъ, недалеко отъ станціи „Дербентъ“ ожидали встрѣчнаго пассажирскаго поѣзда и стояли очень долго. Сирэнъ надѣла верхнюю кофточку и попросила у матери позволенія погулять. Ступеньки вагона приплыли высоко надъ платформой и, помогая Сирэнъ сойти, Робустовъ почти снесъ ее на рукахъ. Охвативъ рукой ея гибкую талію, онъ невольно зажмурилъ глаза и ему захотѣлось, чтобы этотъ моментъ продолжался безконечно долго.

На второмъ пути стоялъ длинный товарный поѣздъ, часть его была внутри освѣщена и тамъ видѣлись силуэты людей. Поѣздъ былъ воинскій съ возвращавшимися послѣ службы домой кубанскими казаками-пластунами.

Въ послѣднемъ вагонѣ они сидѣли цѣлымъ рядомъ, свѣсивъ ноги, и пѣли.

Одинъ голосъ, удивительно высокій и звенящій, какъ стальная струна, началъ:

По-вій ви-тре
На Вкра-и-и-ну...

А хоръ, небольшой и негромкій, тихо вступилъ:

Де по-о-кинувъ я ди-вчину,
Де-е поки-и-нувъ кар-р-ри очн?

И весь его снова покрылъ одинъ звенящій голосъ словами:

По-вій вит-ре и-из-зѣ полуночи...

и сразу стихъ, точно уплыть къ звѣздамъ.

Робустовъ слыхалъ этотъ мотивъ и раньше, но теперь не узналъ его. Нотнаго, искусственнаго, шлифованнаго въ немъ ничего не осталось. Пѣли, точно въ самомъ дѣлѣ обращаясь къ вѣтру, просили его слетать домой и вѣрили, что онъ ихъ слышитъ.

Начали другую,—веселую съ присвистомъ и позвякиваньемъ тулумбаса, но монотонную, безъ остановокъ между куплетами, и вдругъ смолкли.

— А шобъ вони подурили, двѣ станціи zostалося, та не якъ не довезуть,—проговорилъ чей-то грубый голосъ, за-кашлялъ и затѣмъ послышался плевокъ.

— Живи будемъ—дойдемъ,—отвѣтилъ другой.

— Вотъ, если бы они еще разъ спѣли эту первую пѣсню,—скажутъ Робустовъ.

— Я не понимаю по-малороссійски, но мотивъ необыкновенно красивый и грустный,—отозвалась Сирѣнь.

Далеко на пути за краснымъ огнемъ семафора показались три ясныхъ дрожавшихъ точки поѣзда, котораго ждали. Ударили второй звонокъ. Робустовъ снова помогъ Сирѣнѣ войти въ вагонъ.

— Нужно пойти представиться мамѣ, чтобы она не подумала, что я осталась,—сказала она, ушла и черезъ минуту вернулась.

— Ну что?—спросилъ Робустовъ.

— Ничего, просила только долго не оставаться на площадкѣ.

Три фонаря приближавшагося поѣзда выросли въ огненный треугольникъ, а красный огонь на семафорѣ вдругъ сталъ бѣлымъ. Наконецъ, прохрипѣлъ мимо паровозъ и замелькали освѣщенные окна. Сквозъ гулъ подходившаго поѣзда едва можно было разслышать третій звонокъ и свистки. Вагонъ легонько дернуло, и онъ поплылъ все скорѣе и скорѣе.

— Вотъ,—сказалъ Робустовъ,—встрѣтились мы съ вами. а завтра распрощаемся и, пожалуй, никогда больше не увидимся. Да, такъ вотъ что: хотѣлось бы мнѣ, Сирэнъ, знать, кто изъ насъ считаетъ себя счастливымъ и кто на самомъ дѣлѣ счастливымъ, не въ данный моментъ, а вообще.

— Что это вамъ пришло въ голову. Вы мужчина, вы самостоятельный, слѣдовательно, ваше счастье у васъ въ рукахъ. Я женщина, мнѣ приходится считаться съ массою условностей, отъ которыхъ меня не спасутъ ни мама, ни деньги, никто, и эти условности всегда будутъ мнѣ отравать лучшія минуты жизни...

— Значитъ, вы думаете, что я счастливѣе?

— Конечно.

— Нѣтъ, Сирэнъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Робустовъ и подумалъ: „это хорошо, что она не требуетъ, чтобы я называлъ ее по отчеству.“ Правда, мужчина самостоятельный женщины, по условности давить его еще больше, чѣмъ женщину. Вотъ я, напримѣръ, считаюсь честнымъ человѣкомъ, а принужденъ всю жизнь лгать, вѣрнѣе, никогда не быть вполне искреннимъ. Если я въ судебной рѣчи скажу, что защитникъ знаетъ еще лучше меня, какой мошенникъ его клиентъ, но защищаетъ его только изъ-за денегъ,—меня остановятъ, будь это сама святая истина. Если я приду въ гости къ члену суда и солгу ему, что давно не былъ, потому что болѣлъ,—это ничего; если же я скажу, что въ его семьѣ мнѣ невыносимо скучно и ходить туда противно,—меня сочтутъ за невѣжу и, пожалуй, за сумасшедшаго... У меня часто является непреоборимое желаніе, ну хоть въ теченіе одного часа говорить искренно обо всемъ, что думаешь и что чувствуешь... Кажется, если бы это было возможно, то получилось бы такое громадное удовлетвореніе, которое и описать трудно. И каждый разъ я себя сдерживаю и заставляю или молчать, или говорить о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Потому что завтра же, когда у меня измѣнится настроеніе, я съ ужасомъ буду думать: вотъ я лучшія мои мысли повѣрялъ существу, которое изъ всей моей исповѣди вынесетъ впечатлѣніе, что я психопатъ и что мнѣ скучно жить. Съ женой я еще могъ бы быть откровеннымъ, съ товарищами же или съ родными—никогда. Но и женѣ многого нельзя говорить. Вотъ, напримѣръ, я не могу ей

сказать, что, когда помогать вамъ сойти на платформу и на одну секунду взялъ васъ за талию,—я пережилъ чудную минуту. Она пойметъ, что этимъ я не измѣнилъ ей, но всетаки это ее встревожитъ. Самое ужасное въ моей жизни это вѣчное ощущеніе нравственнаго одиночества... Послѣ университета я сейчасъ же поступилъ на службу. Сначала пришлось путешествовать по всякимъ заходустьямъ, то въ качествѣ защитника, то въ качествѣ исполняющаго обязанности слѣдователя, когда настоящій слѣдователь уѣзжалъ въ отпускъ. Затѣмъ я женился и самъ сталъ слѣдователемъ. Послѣ рожденія перваго ребенка женѣ уже не было времени со мной разговаривать или у нея были разстроены нервы, и говорить съ ней, значило ее раздражать. Насъ поселили въ очень глухомъ мѣстечкѣ. Изъ интеллигенціи тамъ жилъ докторъ, который считалъ меня только чиновникомъ и человѣкомъ, который глупѣе его, и потому мы съ нимъ никогда не говорили по душѣ. Жилъ тамъ еще приставъ, который считалъ меня умнѣе себя, и поэтому мы съ нимъ тоже никогда и ни о чемъ не говорили, а только иногда играли въ винтъ... Будучи студентомъ, я былъ знакомъ съ однимъ выдающимся писателемъ, необыкновеннымъ, чуднымъ человѣкомъ. Зная, что я увижу его, я волновался, какъ передъ встрѣчей съ любимой женщиной, и мечталъ о томъ, какъ я раскрою передъ нимъ всю свою душу, но, встрѣчаясь съ нимъ, я всегда смущался и говорилъ не о томъ, что хотѣлъ сказать, а о пустякахъ, или былъ неискренъ. Эта боязнь, что въ слѣдующій разъ мнѣ будетъ передъ нимъ стыдно за все то, что я сказалъ, и тутъ портила дѣло.

...Въ дѣтствѣ я говорилъ съ отцомъ сначала только относительно моихъ гимназическихъ отмѣтокъ, а затѣмъ о томъ, сколько я могу истратить денегъ, и сколько не могу. Мать умерла рано и я ее не помню. И такъ прошла вся жизнь.

...Съ вами я сегодня говорю такъ, во-первыхъ, потому, что вы мнѣ кажетесь умной и понимающей все мое настроеніе, а во-вторыхъ, потому, что васъ больше не встрѣчу и говорить такъ не стану. Я радъ, что не увижу больше васъ. Я бы могъ вами увлечься, и изъ этого не вышло бы ничего хорошаго ни для васъ, ни для меня. Но за сегодняшний день—спасибо. Спасибо уже за то, что вы меня слушаете. Черезъ недѣлю я вступлю въ исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Буду дѣлать визиты, говорить только о дѣлахъ, о цѣнахъ на квартиры, буду провозносить судебныя рѣчи. И если меня кто-нибудь спроситъ о васъ, я сдѣлаю равнодушную фizioномію и скажу: „да, ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ хорошенькой армяночкой.“

— Знаете, я еще никогда не встрѣчала такого человѣка, — сказала Сирѣнь.

— Развѣ?—Робустовъ улыбнулся—Эхъ, Сирѣнь, Сирѣнь, еще бы съ вами хоть сутки проѣхать.

— У меня есть отчество.

— Ну, Сирѣнь Давидовна. Это звучитъ некрасиво. Думайте обо мнѣ, что хотите, мнѣ это все равно. Кстати скажите, вы скоро собираетесь выходить замужъ?

— Пока не собираюсь. А что?

— Такъ, хотѣлось бы мнѣ посмотреть на этого счастливаго человѣка.

— Можетъ быть, и увидите.

— Ну гдѣ же я увижу?

За ихъ спинами слышалось шарканье ногъ и потомъ голосъ чиновника.

— Mademoiselle, маман проситъ васъ къ себѣ.

— Хорошо.

Чиновникъ продолжать стоять.

— Я сказала—хорошо.

Тотъ повернулся и ушелъ. Сирѣнь посмотрѣла ему вслѣдъ и тоже ушла. „Мнѣ лучше остаться“,—подумалъ Робустовъ, но уже черезъ минуту вадрогнулъ, точно услыхалъ, что его позвали, опустилъ голову и направился къ двери.

Сирѣнь возвратилась изъ купе съ надутыми губками и стала у окна. Разговоръ больше не возобновлялся. Обмѣнивались только короткими фразами. Робустовъ снова положилъ свою руку на ея нѣжную ручку, и Сирѣнь не отнимала ея.

„Она не отнимаетъ своей руки, вѣроятно, на зло матери, которая сдѣлала ей выговоръ за то, что она все время со мной, а можетъ быть, я ей и нравлюсь“,—мелькнуло въ головѣ Робустова. — „Теперь около одиннадцати часовъ. Маруся, вѣроятно, уложила дѣтей, стоитъ передъ зеркаломъ, усталая, съ кислой физиономіей и причесывается на ночь, а если думаетъ обо мнѣ, то жалѣетъ, что я трясусь въ вагонѣ... Можетъ быть, я поступаю подло, что сейчасъ стою воалѣ этой хорошенькой и оригинальной армяночки... Но жизнь такъ монотонна и будетъ и дальше такою же, а потому нелѣпо лишать себя того свѣтлаго молодого ощущенія, которое охватило меня. Кромѣ того, это вѣдь не намѣна, это такъ“...

— Сирѣнь, вы умненькая дѣвушка, вѣдь правда же,—вѣтъ ничего дурного въ томъ, что вы мнѣ такъ нравитесь.

— А завтра будетъ такъ же нравиться другая, а послѣ завтра третья,—сказала она и вдругъ выдернула свою руку.

„Она не поняла меня“,—подумалъ Робустовъ. „Вотъ совсѣмъ юная, а женщина до мозга костей. Молчишь,—можно выра-

жать ласку рукопожатіемъ. Заговорилъ, нарушилъ настроеніе, сейчасъ же нужно показать, будто ея рука только случайно была въ моей".—Онъ вспомнилъ, какъ, будучи гимназистомъ седьмого класса, ухаживалъ за шестиклассницей Лелей, которая въ темной комнатѣ всегда отвѣчала на его поцѣлуи, а въ свѣтлой, когда онъ только положилъ ей на плечо руку, разсердилась и закричала.—„Всѣ, всѣ, и русскія, и армянки, и польки, и нѣмки—всѣ одинаковы“.

— Думайте, Сиренъ, что хотите, но, право же, мнѣ будетъ ужасно тяжело завтра разставаться съ вами. За эти трое сутокъ я очень привязался къ вамъ. Глупо это, конечно...

— Да?

— Да,—отвѣтилъ онъ и подумалъ:—„вотъ сейчасъ ей показалось, будто она грубо мнѣ отвѣтила и, желая загладить это, она не сказала ничего по поводу того, что я опять называлъ ее только по имени“...

— Ну-съ, нужно идти къ мамѣ,—сказала она.

— Погодите еще, Сиренъ.

— Нѣтъ, такъ лучше будетъ, спокойной ночи. Завтра еще увидимся, если вы не проспите.

Она посмотрѣла на Робустова не то съ недовѣріемъ, не то съ грустью, крѣпко пожала его руку и ушла.

Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ усталъ нервно и физически за цѣлый день. Ему захотѣлось пойти и лечь поудобнѣе и если нельзя быть больше вольнъ Сиренъ, то хоть мысленно представлять ее себѣ.

Нѣмецъ и чиновникъ встрѣтили его молча съ угрюмыми и серьезными лицами. И ему почему-то вспомнилось выраженіе лица одного арестанта, отрицавшего свою виновность, которому онъ долженъ былъ объявить, что все украденное нашлось у его соучастника.

Робустовъ раздѣлся и сладко потянулся на диванѣ, а потомъ, чтобы никого не видѣть, укрывшись одѣяломъ съ головою, оставивъ отверстіе только вольн рта.

Вагонъ гудѣлъ и подъ подушкой мѣрно раздавался убаюкивающій звукъ—жам, жам, жам... „Какъ хорошо вообще ѣхать,—думалъ онъ,—ты вездѣ и нигдѣ. Никто тебя не знаетъ. Никто не имѣетъ права упрекнуть въ томъ, что поступаешь такъ или иначе“.

Не смотря на усталость, ему долго не спалось, и проснулся онъ рано, въ шесть часовъ утра, сейчасъ же одѣлся, умылся и сталъ у окна.

Пейзажъ рѣзко измѣнился. Горъ уже не было видно. Съ одной стороны сталась степь, поросшая какими-то сорными травами, сѣрая и не привѣтливая, не похожая на донскую. Съ другой стороны все время тянулось Каспійское море,

точно огромная, грязная лужа, оставшаяся послѣ дождя. Въ одномъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ полотна желѣзной дороги толпились, хлопая крыльями, пятнадцать или двадцать огромныхъ орловъ и побѣдъ не пугаль ихъ. Иногда мимо проходили, покачиваясь, верблюды, которыхъ вели некрасивые съ рѣдкими бородами люди въ халатахъ и въ странныхъ шапкахъ, похожихъ на половину арбуза. Попадались на встрѣчу такіе же всадники верхомъ на ослахъ, нагруженныхъ уже непомѣрнымъ вьюкомъ, и, казалось, что огромному человѣку, сидѣвшему съ вытянутыми впередъ сверхъ вьюка ногами, не можетъ не быть совѣстно такъ эксплуатировать бѣдняка.

Сирэнъ тоже встала рано. Личико ея было утомлено и подъ глазами легли свѣтло-коричневые круги. Она не кокетничала, была привѣтлива и видимо грустна, и Робустовъ не зналъ, о чемъ съ нею говорить.

Послѣ долгаго молчанія она вдругъ сказала:

— Вотъ, вчера вы спросили: есть ли что-нибудь дурное въ томъ, что вы были все время возлѣ меня...

— Я не такъ сказала, я спросилъ: есть ли что-нибудь дурное въ томъ, что вы мнѣ такъ нравитесь.

— Ну все равно, не въ этомъ дѣло. Такъ или не такъ,—ничего хорошаго и ничего дурнаго нѣтъ. Если что-нибудь случается, значить, нужно, чтобы оно случилось. Значить, или для васъ, или для жены вашей, или для меня изъ этого будетъ какая-нибудь польза. Какая,—этого нельзя знать, потому что видно будетъ, можетъ очень не скоро.

— Почему вы такъ думаете?

— Ни почему. Такъ думаю, такъ вѣрю и больше ничего.

Робустовъ силился вникнуть въ смыслъ сказаннаго ею и не могъ, но ему казалось, что она права и что существа, живущія больше инстинктомъ, чѣмъ разсудкомъ, угадываютъ иногда то, чего нельзя опредѣлить логически. И ему казалось также, что самъ онъ жилъ эти дни, не разсуждая, и въ этомъ была ихъ прелесть. Ей грустно, и ему грустно, имѣютъ ли они нравственное право грустить или нѣтъ, встрѣтятся ли еще разъ или нѣтъ, зачѣмъ объ этомъ думать. Придешь къ такому или другому выводу, а настроенія не измѣнишь.

Вышла мать Сирэнъ, наскоро поздоровалась и позвала ее укладываться.

Робустову стало очень грустно. Онъ пробовалъ смѣяться надъ этою грустью и чувствовать, что у него сдавливаешь горло.

Когда пріѣхали на станцію „Баладжары“, гдѣ нужно было разстаться, Сирэнъ и Робустовъ точно онѣмѣли. Сидя рядомъ съ нею, онъ пилъ кофе и все думалъ, что бы такое ска-

затъ на прощаніе, вполне искренное и сердечное, и не сказать ничего. Первымъ ушелъ поѣздъ, въ которомъ ѣзжала Сирѣнь, она ласково кивнула головой. Промелькнулъ послѣдній вагонъ, Робустовъ сильно закусилъ нижнюю губу и пошелъ разыскивать багажъ. Пересматривая свои вещи, онъ дергалъ плечами и ему казалось, что его отлично спитая тужурка стала давить подъ руками, а носильщикъ говорить съ нимъ не-хотя и не достаточно почтительно.

На слѣдующій день утромъ Робустовъ былъ уже въ томъ городѣ, гдѣ долженъ былъ вступить въ новую должность.

Онъ никуда не пошелъ, а до самаго вечера сидѣлъ въ номерѣ гостиницы, пилъ чай и думалъ. Охватившее его со вчерашняго вечера тяжелое настроеніе давило еще долго и послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ визиты и пріѣхала семья. И было похоже это настроеніе на тоску столичнаго жителя, который прожилъ нѣсколько дней на свободѣ въ дѣвственномъ, задумчиво шумящемъ лѣсу и въ сырой туманный петербургскій вечеръ вернулся на цѣлую зиму въ свою квартиру въ пятомъ этажѣ съ окнами, выходящими на узкій, какъ колодезь, дворъ.

Прошло оно только тогда, когда, желая себя зарекомендовать какъ можно лучше, онъ началъ каждый день писать не меньше пяти заключеній и сталъ долго готовиться къ каждому засѣданію, перелистывая у себя въ кабинетѣ до двухъ часовъ ночи дѣла.

Съ Сирѣнь Робустовъ встрѣтился только черезъ три года въ другомъ городѣ. Она ѣхала въ коляскѣ съ молодымъ, но некрасивымъ мужемъ, очень похожимъ на нѣкотова бывшаго попутчика чиновника.

Она замѣтно пополнѣла, не узнала его и не отвѣтила на поклонъ, и Робустовъ, пройдя десять шаговъ, уже сталъ сомнѣваться, дѣйствительно ли это была Сирѣнь.

Борисъ Лазаревскій.